

МНОГО тяжелых годин перенесла наша Родина за свою многовековую историю. Но такого сурового испытания, как Великая Отечественная война, на долю народа не выпадало никогда. Смерть косила миллионы людей, огонь пожарил города и села, холод и голод терпели и старый, и малый. И не могут, или не хотят, и по сей день сосчитать сколько жизней отдано на алтарь Победы. А сколько инвалидов, разрушенных семей, сколько горя приносила она, эта богом проклятая война.

Есть статистика, равная политике, есть цифры, равные взрывному лозунгу и призыву на баррикады. Цифры сами по себе ничего не говорят, но если их заставить, они расскажут очень много. Один из способов заставить заговорить цифры — это сопоставить их...

«И, значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...» Ну, а какова же она — «цена победы» в Великой Отечественной? Сколько жизней наш народ отдал за победу над фашизмом? До сих пор мы этого не знаем. Обычно говорится — более 20 миллионов. Но точна ли эта цифра?

Первое официальное упоминание о наших потерях прозвучало в речи Сталина в 1946 году: 7 миллионов человеческих жизней. В эту цифру никто не верил. Было ясно, взошла она по аналогии с потерями немцев и их сателлитов. У нас, мол, больше быть не может. Хотя мы и не догадывались о точных данных, к примеру, о том, что в первый год войны взято было в плен около 5 миллионов наших солдат и офицеров, из которых две трети погибли...

Цифра, которая вошла в обиход недавно, впервые была названа Никитой Хрущевым в письме премьер-министру Швеции Эрландеру. Война, говорилось в нем «унесла более 2 десятков миллионов жизней советских граждан». Но точна ли эта цифра?

К сорокатию Победы эта цифра выросла до 27 миллионов, затем добавили еще миллион — 28 миллионов, стыдливо сообщает наша статистика устами высокопоставленных лиц. Это предел? Вряд ли!

Скажу откровенно, к данным советской статистики я отношусь, мягко говоря, с большим предубеждением. И вот почему.

В 1960 году, один из моих двоюродных братьев по военной академии имени Михаила Фрунзе, майор Константин Константинов-Трубецкий выбрал тему для дипломной работы под интригующим названием: «Потери сторон в годы минувшей войны». Считаю долгом заметить, что майор прошел всю войну от звонка до звонка. Начал новобранцем в австрийском городе Мельке — подполковником. Когда смолкли пушки, был разжалован до младшего лейтенанта и к 1958 году «вырос» до майора. Обладая от трезвым аналитическим умом, способностью изучать источники, читать между строк те доклады, которые поступали вверх по инстанциям.

Майор Константинов-Трубецкий в своей работе пришел к неожиданному для нас всех выводу — к осени 1942 года в немецкой армии не было, вернее, не должно быть, ни одного солдата! Это по нашим документам. А между тем осенью, того же года немцы уже вышли к великой русской реке Волге! Вы можете вполне резонно спросить: какие же источники использовал наш мудрый майор? Охотно отвечаю — сообщения Советского Информационного бюро, которые ежедневно печатались во всех наших газетах. Возьмите подшивку главной нашей партийной газеты «Правда». Используя обычный бухгалтерский счет, за неимением простого компьютера, и начиная с первого дня войны, когда начали вести счет потерям, вы убедитесь, что на самом деле, к осени сорок второго года, а точнее, к 12 октября того же года, войну можно было считать законченной... за немцами сражающихся с противной стороны!

Парадокс? Нет, факт. Горький факт! Видительное высокое начальство пригласило майора: «Есть мнение, к второй части дипломной работы не приступить». Как вы догадались, вторая часть касалась наших потерь. Вот так-то, други мои. Наши современники, наши дети, внуки и правнуки должны знать, какой ценой была оплачена победа. Это делается не для того, чтобы судить мертвых, а для того, чтобы больше создавать собственных бедных пятен, ясно ведь уже, как тяжела плата за незнание и замалчивание.

Об одном хочется особо сказать. Во время работы над этими строками я ловил себя на мысли, что в событиях той войны часто в одном ряду стоят явления глубоко антагонистичные по своей природе. В этом, видимо, и состоит неизбывная дилемтика войны — крайней, противостественной формы человеческого выживания и самозатверждения.

Мудрый Салтыков-Щедрин, обращаясь к своим современникам, говорил: «Вы не можете объяснить, как свершилась победа, но чувствуете, что она свершилась и что вче-

рашний день утонул навсегда».

Давайте докажем русоко-му классику, что мы не лыком шиты, что можем объяснить, как свершилась наша победа и как утопили противника в собственной крови.

Генерал-лейтенант Томас Назарбеков, будущий командующий армией Республики Армения, в конце мая 1920 года в адрес военного министра направил депешу, где делился некоторыми соображениями по поводу утверждения диктатуры: «Возникает ощущение, что по спирали история развивается в отношении количества убийств, а по сути событий — она движется по кругу...». В конце депешки он просит: «Бездарных командиров в бой посылать не надо, это прежде всего преступление, это поражение, это гибель солдат и офицеров, и чем выше этот командир, тем больше потерь...». С обидой и гневом обращается последний Спарпет Армии и и: «Обидно, что человеческими жизнями распоряжаются диктаторы...»

Старый солдат на своей собственной шкуре испытал диктатуру дашнапов, стал свидетелем рождения сталинской диктатуры...

Наверное, исследователи

Гайк АЙРАПЕТАН

ЦЕНА ПОБЕДЫ

(Четыре месяца и четыре года Великой войны)

Смерть одного человека — трагедия,

Смерть миллионов — статистика!

будущего назовут наше время временем открытий. Горьким, страшным, но исцеляющим. Им несть числа. Эпоха, которую мы называем сталинской диктатурой, многолика. Физическое насилие над личностью было неотделимо от террора духовного. Разум еще отказывается верить в чудовищное число жертв, но уже необходимо осознать, что нас к тому же долгие и настоящие лишали чувства гражданственности и собственного достоинства: у нас почти сумели отнять настоящую литературу, подлинное искусство. И еще — ПАМЯТЬ...

Г ОВОРЯТ, что диктатор Сталин не доверял никому: ни собственным разведчикам, ни собственным дипломатам, ни Рузвельту, ни тем более, Черчиллю о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз. Он поверил такому же вероломному тирану Гитлеру. Недаром народная мудрость гласит — «Рыбак рыбака видит издалека».

Он верил Гитлеру, а мы верили ему, и он был силен этой верой, как никто на земле. Пока пылают жертвенный огонь, живы боги. Но рушатся каменные и бронзовые идола вокруг пустых алтарей!

Уже немецкие эскадрильи вороса бомбили наши спящие корабли в Севастопольской бухте, а нарком обороны Семен Тимошенко все не смеет поверить, что началось сна, эта война. Не дает указаний, не ставит боевой задачи войскам. «Товарищ Сталин не разрешает открывать огонь по немцам».

Рвутся крупнокалиберные снаряды, танки с черным крестом с ходу сметают хаты, но сражаются пока одни пограничники. Артиллерия молчит, механизированные колонны стоят на месте. Вернее, горят на месте. «Никаких иных мер не предпринимать, кроме разведки», — отвечает на требовательные звонки наркомом.

Четыре часа — первые четыре часа такой войны! — стояла нам маянакальная вера в «мудрость вождя». К полудню наша авиация потеряла 1200 самолетов, 800 из них так и не поднялись в воздух. Последствия легко предугадать. Мы хорошо знаем их, эти последствия.

О характерном случае, имевшем место уже в роковые дни битвы за Москву, поведал маршал Георгий Жуков:

«...Двести-триста человек, высшего состава сидели в 1937 году в подвале на Лубянке. Их не на чем было вывозить — всех расстреляли. Такие люди погибли! А на фронте в это время полками командовали лейтенанты...»

Что тут можно добавить? «Не на чем было» вывозить... Маршал, мягко говоря, технит. Никто не хотел их вывозить. Они давно были обречены. Они входили в сталинский план уничтожения. Эти 200—300 человек были приписаны к тем 43 тысячам расстрелянных в предвоенные годы.

Кстати командармов второго ранга — все десять! Из 186 командиров дивизии — 154!...

Нет, я категорически не согласен с теми военными истериками, которые в людоедстве ставят знак равенства между Сталиным и Гитлером. Категорически не согласен. Гитлер уничтожал врагов. Сталин продолжал начатое в мирные дни «бой» с собственным народом!...

Принято говорить, что история не знает сослагательного наклонения. Что было — то было, и не могло быть иначе. Но это не совсем так. Зададимся простейшим вопросом: не будь репрессий тридцатых-сороковых годов, разве страна прошла бы через те жесткие испытания 1941—1942 годов. Да никогда в жизни!

Да, очень тяжелым было начало войны. Врагу удалось прорваться в глубь страны. Мы потеряли сразу же, до середины июля 1941-го около миллиона солдат и офицеров, из них 724 тысячи были пленены. Противнику достались в качестве трофеев 6,5 тысячи танков, 7 тысяч орудий и минометов, огромные запасы горючего и боеприпасов. У нас же был острый недостаток в винтовках и патронах.

Воины 390-й Армянской

стрелковой дивизии полковника Семена Закияна на Керченском полуострове сражались с 22-й немецкой танковой дивизией, имея на вооружении винтовки — трехлинейки образца 1897 года... Пресловутая внезапность, о которой среди дилетантов в военном деле до сих пор идет спор, была она или не была, слишком дорого стоила армии и народу. Внезапность конечно же, была, не только для войск, но и для Сталина. Для него, уверовавшего в невозможность нападения Германии в тот момент, удар противника, да еще такой опроной силы, полагаю, был совершенно неожиданным.

Чтобы не подорвать свой авторитет, доказать стране, что ее Вождь не ошибается, нужно было найти виновников произошедшего. И «Мудрый отец народа» нашел их... в лице командования Западного фронта.

Командующий фронтом Дмитрий Павлов и все его ближайшие соратники были преданы суду и расстреляны. Наркома обороны Семена Тимошенко направили на Западный фронт, резонно считая, что команда советскими войсками против маленькой Финляндии, в единоборстве с главнокомандующим финской армией маршалом Карлом Густавом Маннергеймом, «добился выдающихся успехов», потеряв 272 тысячи убитых, раненых и обмороженных, а еще 17 тысяч пропали без вести. Финский барон, некогда генерал-лейтенант русской армии, потерял 25 тысяч...

Дмитрий Павлов, узнав о том, что его предлагают на Особый Белорусский военный округ, растерялся, не думал он о таком стремительном росте, ведь совсем недавно на полях Испании командовал танковым батальоном и бригадой. Собрался с духом и обратился к Клименту Ворошилову с просьбой дать ему максимум танковой дивизии, такой большой округ не полагался... Нарком был тверд в своем решении — нет диктатов, все они расстреляны...

Семен Тимошенко не отказался от Западного фронта. Не хватило мужества. Не только мужества — элементарной порядочности. А ведь в русской армии были люди, которые подавали пример... В русской армии был известный генерал-адъютант Алексей Куропаткин. Ни образованием, ни личной доблестью обойден не был. Отличился во многих сражениях русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1898—1904 годах был военным министром. Когда Николай II назначил Куропаткина главнокомандующим русской армией в войне против Японии, генерал-адъютант послал царю простодушную телеграмму такого содержания: «Только бедность в лодях заставляет Ваше величество оставаться своим выбором на мне». Сколько чести, мужества, скромности в этих лаконичных словах.

Если бы у Семена Тимошенко достало этих благородных качеств, он не взялся бы за этот пост, ведь знал, что не потянет. Но у советского маршала не было этих качеств. А может быть он считал, что по военному таланту не уступает самому Верховному Главнокомандующему? Вполне может быть...

В конце лета — начале осени того же тяжкого 1941 года, в значительной мере по вине Верховного советские войска постигла новая катастрофа, на сей раз на левобережье Днепра. Только в плен было взято около 700 тысяч советских солдат и офицеров. Это стало возможным потому, что Сталин же-

ветствующей реальному положению вещей. «У незнакомаго леселка, на безымянной высоте» дехоту клали ротами и батальонами, до последнего человека. Учились воевать без черновиков, учились прямо на поле брани...

Н У А ЧЕМ был занят Верховный? Он трудился. Из-под его пера вышел приказ под номером 270, оскоряющий, унижающий достоинство людей в глазах всего мира. Посудите сами. Приказ издан 16 августа 1941 года, то есть в тот момент, когда наши войска, истекшая кровью, отступали по всему фронту, оставляя на поле брани миллионы убитых, раненых, пленных. Мертвых казнить нельзя, раненых тоже, а вот пленных можно унизить, добить, убить морально. В этом приказе все наши военнопленные объявлялись предателями и изменниками. Семьи пленных командиров и политработников подвергались репрессии, родные же солдат лишались льгот, предоставляемых семьям участников войны. Такой подход ко всем военнопленным по сути невозможен. Ведь большинство из них проявляло мужество и героизм, даже находясь в плену. Только в концентрационных лагерях, располагавшихся на оккупированной гитлеровцами территории Советского Союза, погибло около четырех миллионов человек. А сколько пропало без вести. Объявить их изменниками преступно!

Ни одна война не обходилась без убитых, раненых и пленных. Всегда существовали законы, охраняющие права военнопленного. Это проблема не только научная, но и нравственная. Приказ Верховного обреч на страдания миллионы семей, а также тех, кому удалось вернуться из плена. Клеймо изменника передавалось из одного поколения в другое, причиняя боль множеству невинных людей. Забыл Верховный, что если бы не его просчеты и ошибки, то меньше было бы и ситуаций, когда войны попадали в плен.

В мае 1942 года советские войска потерпели поражение южнее Харькова, в плену оказались 240 тысяч человек, это произошло опять же в немалой мере из-за упрямства Сталина, который не разрешил отвести войска на восток. В том же месяце окончилась провалом Керченская операция, стоившая нам только пленными 150 тысяч солдат и офицеров, среди них много наших соотечественников из той же 390-й Армянской стрелковой дивизии. И здесь войска потерпели поражение по вине представителя Ставки Льва Мехлиса, начальника Главного политического управления Красной Армии, заместителя Верховного.

28 июля 1942 года Верховный издал еще один приказ: «Ни шагу назад!». Под таким названием известен в народе этот приказ под номером 227. Он никогда не был секретным. Однако на нем стоит гриф «без публикации». Полное содержание этого приказа стало известно совсем недавно. Приказ этот многословный, но главная суть состоит вот в чем: о создании так называемых загранотрядов и сравнение их со строгостью гитлеровской армии. Дело в том, что после битвы под Москвой боевой дух немецких солдат значительно упал, и тогда фашистское командование приняло репрессивные меры: они выставили заградительные отряды.

Так вот, как бы сыскался на это, Ставка решила ввести такое же у нас. В приказе указано, что немцы сформи-

ровали специальные отряды заградления, поставили их позади неустойчивых дивизий и велели расстреливать на месте паникеров в случае попытки самовольного оставления позиций и в случае попытки сдать в плен.

Как-то по телевизору я говорил об этом приказе. Старший лейтенант в отставке, участник войны Григор Тер-Ованесян, после моего выступления прислал в мой адрес гневное письмо: «Без приказа «Ни шагу назад!», вряд ли мы бы отстояли Сталинград. Поймите меня правильно и не обвиняйте в сталинизме. Мы тогда верили каждому его слову, для нас он был богом, и с его именем я, молодой сержант, поднимался в атаку, став младшим лейтенантом с званием «За Родину, за Сталина» вождя в бой моих солдат. Как и миллионы фронтовиков готов был умереть с этими словами на губах...»

Что тут сказать? Кто воевал, кто ходил в атаку под пулями и осколками, кто видел падающих товарищей, кто бежал, а навстречу дагнались танки со свастикой, кто испытал, что такое висеть на волоске жизни, тот знает, что человека в эти минуты должно поддерживать что-то такое, что больше и прочнее

офицеров оставалась неизвестной. Мы не знаем и вряд ли узнаем общего числа людей такой категории военного учета как «пропал без вести».

На сегодня без вести пропавшими считаются около двух миллионов человек. Среди них около 80 процентов — из числа умерших от ран в полевых госпиталях и медсанбатах, покоящихся в безымянных могилах, а то и просто до сих пор захороненных.

В ПРОШЛОМ году я был в городе Белым Тверской области. Под городом места клюевые. Каждое лето жители этого небольшого городка ходят «на мох» за ильковкой.

— Свернешь в лес с дороги, а там солдат в шпелли раскинул руки... Первое время не до того было. Убигных свезли с полей. А из лесу как? Да и не на чем, — рассказывал мой старый однополчанин Евгений Шавловский, тайком вытирая набежавшие слезы. Долго курит. Молчит. Дрогнувшим голосом продолжает:

— Сорок девять лет, вблизи города, лежали захороненные останки погибших! Только недавно их хоронили. По улицам нашего городка тянулись траурные процессии. Люди шли и плакали...

— Всех похоронили? — Нет... транспорта не хватает... К полувеквому юбилею может быть успеем... Если живы будем...

Два века назад, когда Александру Суворову доложили: «Турки разбиты, война закончена». Он спросил: «А убитые захоронены?», «Никак нет, Ваша светлость!» Тогда полководец взорвался: «До тех пор, пока не будет предан земле последний солдат, войну нельзя считать оконченной!»

По Суворову выходит, что та война еще не закончена... А судьба наших военнопленных? У нас нет официальных публикаций об общем их числе. Общая их численность в западной литературе оценивается по-разному — до 6 миллионов человек.

Жизнь многих наших людей складывалась по трагической формуле: фронт, передний край — вражеский концлагерь — освобождение — снова фронт — затем советские концлагеря.

Проследив эту формулу, продав мысленно по ней, вдумав с ужасом осознать, что лозунг «Ничего не забыто, никто не забыт» на эти людские судьбы не распространяется. А их ведь не тысячи, миллионы!

Долгое время в каждом пленном видели предателя, в бежавшем из плена — шпиона. В истории Великой Отечественной войны их судьбам не находилось места. Это были странички неизвестной войны. И потому мы никогда не узнаем, сколько людей погибло в сталинских концлагерях. Ибо Сталин, его подручные Берия, Абакумов и прочие запеленчатые мастера, боясь суда истории, старались уничтожить следы своих преступлений. И не безуспешно...

В серьезных уточнениях нуждаются и наши представления о потерях среди невоювавшей части населения. Из сообщения доктора экономических наук, профессора Александра Квашы, за годы войны было эвакуировано на восток около 25 миллионов человек. В оккупации оказались примерно 80 миллионов человек, или около 40 процентов всего населения страны, в тяжелых, порой невыносимых условиях репрессий и голода. 6 миллионов же человек, в основном молодежь и подростки, были угнаны в фашистское рабство.

Страна потеряла миллионы и недосчиталась — из-за падения рождаемости — миллионы будущих граждан. Это тоже цена войны.

Профессор Кваша утверждает — прямые потери нашего народа в годы войны — ориентировочно 27—28 миллионов человек, косвенные — 22—23 миллиона. Следовательно, 49—50 миллионов — это и цена нашей победы!

Та война — как затянувшаяся рана, след от которой остался навсегда...

Если ты убеешь прошлое забвением, то будущее попустит с тобой точно так же — гласит пословица. Мы — дети и внуки поколения фронтовиков. Сегодня мы главная сила, на плечи которой возложена ответственность за судьбу Родины, за то, каким наше государство будет завтра. Это огромная работа, которая требует непоказных усилий и будет длиться не один год.

Но может ли быть могучим и плодоносным дерево без корней? Можно ли, думая о будущем, забывать о тех погибших и живых, кому мы обязаны своим настоящим? Ответ однозначен.

Но отчего же находятся среди нас от простых людей до новополеченных государственных мужей, которые бросают в огород фронтовиков град камней, упрекая их, мол, вы господа, не тому богу служили, не с тем противником сражались...

Скажу кратко, лаконично — умный поймет: молитесь Богу, что немец не взял Сталинград. Если мы тогда потеряли бы этот город, то пришлось бы отдам и дедам сегодняшних «мудрецов» иметь дело с турецкими войсками, с теми, которые совершили геноцид нашего народа...

Уймисьте господа, история не прощает ошибок! Не потому ли нашим ветеранам, чудом уцелевшим на той страшной войне, наносят незаслуженные обиды, а то и оскорбления. Отчего до сих пор попадают среди нас люди с холодными, бесчувственными сердцами!

Так давайте же, люди добрые, начнем с себя и посмотрим, что каждый из нас лично может и должен сделать, чтобы никогда ничего подобного в нашей жизни не повторилось... Если вы услышите слова популярной песни: «И, значит, нам нужна одна победа, одна на всех, мы за ценой не постоим...», задумайтесь — а какова же она — цена победы в Отечественной?

А победа? Пусть она так и останется снявшим май 1945 года. Иного не надо. Не хочу, чтобы наши дети и внуки испытали радость победы. Но хочу, чтобы мирный тот май, который довелось увидеть мне, они помнили вечно!